

© 1992 г.

ДЖ. АЛЕКСАНДЕР, П. КОЛОМИ

НЕОФУНКЦИОНАЛИЗМ СЕГОДНЯ: ВОССТАНАВЛИВАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ ТРАДИЦИЮ

АЛЕКСАНДЕР Джеффри — профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес). Известный специалист в области теории и методологии социального познания, автор четырехтомного труда «Теоретическая логика в социологии». КОЛОМИ Пауль — преподаватель социологии Денверского университета, специалист в области сравнительных исследований и политологии. Оба автора публикуются в нашем журнале впервые.

Несмотря на продолжительный период влияния Т. Парсонса на социологическую традицию, еще рано говорить об окончательной судьбе его наследия. Вначале казалось, что «парсоновский синтез» потерпит полный крах. В то же время существовала возможность появления более свободного и менее связанного с каноническим текстом варианта функционалистской теории.

Когда в 1982 г. начали выходить первые тома «Теоретической логики в социологии» Дж. Александра, они встретили не единодушное одобрение, а скорее сдержанный скептицизм, иногда переходящий в открытое негодование. Представители марксистской, гуманистической, конструктивистской и позитивистской ориентаций и даже один старый последователь Парсонса засыпали журналы отрицательными рецензиями. Они вежливо предостерегали коллег от того, что назвали «движением вспять». В одном критики были едины: парсоновская основа «Теоретической логики...» представляет скорее пережиток прошлого, чем новое слово в современной социологической мысли.

Первые отклики — плод самоосмысления представителей тех теоретических направлений, которые оттачивали свое оружие в борьбе со структурно-функциональным движением. Позитивизм, теория конфликта, марксизм, теория обмена, символический интеракционизм вкуче с феноменологией изрядно потрудились на поприще ниспровержения парсоновской доктрины. К 1980 г. они одержали над ней верх уже не в качестве теоретического авангарда, критикующего все и вся, а в качестве господствующей теории, выражающей сущность нового истеблишмента. Конечно, если социологический прогресс вообще существует, то пройденные этапы, ознаменовавшиеся модой на Парсонса, вряд ли могут быть возрождены.

В январском номере «Современной социологии» за 1988 г. М. Орру пишет, что научный прогресс не является однонаправленным линейным процессом. Как социологам, нам бы, возможно, хотелось, чтобы социальные теории надстраивались одна над другой в линейном порядке. Но вместо этого приходится наблюдать циклическую модель, согласно которой различные школы просто чередуются, сменяя по прошествии времени одна другую и оказываясь в этот момент в центре нашего внимания. Та же модель верна и в отношении ведущих ученых. Доказав правдоподобность циклической модели, М. Орру пришел

к выводу, что возрождение парсоновского учения — одна из характернейших черт социологии 80-х годов. Если М. Орру прав относительно важности возрождения парсонсианства, а мы полагали, что он прав, то в социологии за последние пять-десять лет произошли крупные перемены.

Вовсе неудивительно, что совсем недавно Ю. Хабермас и Р. Мюнх настоятельно требовали релегитимации парсоновской теории. Когда в 1985 г. Дж. Александер ввел термин «неофункционализм», то сделал это с целью подчеркнуть два момента — преэминентность и внутреннюю критику теории Парсонса. Вполне уместна аналогия с неомарксизмом. Нынешняя социология а la Парсонс соотносится с классической парсоновской социологией, как неомарксизм — с ортодоксальным марксизмом. Неомарксизм пытается преодолеть механистическую ограниченность учения Маркса, включая в него достижения социологической мысли XX века. Подобная ситуация напоминает отношение неофункционализма к научным традициям, заложенным парсоновской теорией.

Общественное признание жизненности парсоновской традиции вызвало неожиданную реакцию. Ч. Пэйдж, известный государственный деятель старшего поколения, опубликовал открытое письмо, предупреждая коллег об опасности возрождения функционализма. Ему вторит молодой теоретик Ч. Камик, который в своих рецензиях напоминает читателям, что сторонников возрождения ничему не научила критика Парсонса и что в их опытах теоретизирования не содержится ничего нового по сравнению с установками мэтра социологии. Его современник Дж. Ритцер еще больше усилил скептицизм, заявив, что лучше руководствоваться принципом «поживем — увидим».

Сегодня, хотя сомнения насчет желательности неофункционализма не исчезли, научное сообщество приходит к сознанию того, что на социологической сцене появилось нечто новое. Так полагают Э. Гидденс и Дж. Тернер которые во введении к «Социальной теории сегодня» (1987) отметили «значительное возрождение» в последнее время парсоновского учения. Современные учебники по социологической теории (Дж. Ритцер, 1988; Р. Коллинз, 1988) уже пересматриваются для отражения сдвигов на теоретической карте.

На протяжении всего XX века критики и сторонники неомарксизма часто задавались вопросом «Что в нем марксистского?», не осознавая, что тем самым отходят от его первоначальной версии. Такое сомнение в современном неофункционализме выражено в работе «Что функционалистского в неофункционализме?» Дж. Тернера и А. Марьянской (1988). Неофункционализм радикально отличается от ортодоксального парсоновского учения, ибо не разделяет некоторых его центральных идей. Даже когда неофункционализм сохраняет связь с предыдущими работами Парсонса, это не считается попыткой воскрешения идей последнего. Тем не менее, неофункционализм — единственное новое теоретическое направление, возникшее в западной социологии в 80-е годы XX века.

Что нового неофункционализм привнес в социологию? Отвечая, рассмотрим его дискурсивную структуру, способ интерпретации классиков социологии, масштабность его исследовательских программ и отношение к другим теоретическим направлениям. Такого рода попытка требует критического обзора всего многообразия существующих в социологии исследований. Однако начинать разумнее с анализа причин, обусловивших неожиданное возрождение парсонсианства, поэтому вне поля зрения остаются последние неофункционалистские исследования, появление которых служит реакцией на основополагающие изменения в самой социологии. Мы попытаемся показать, что неофункционализм — лишь одна из характеристик глубинного сдвига в современной социологии.

Возникновение третьего этапа в послевоенной социологии

После Второй мировой войны западная социология прошла в своем развитии два этапа и сегодня вступает в третий. В течение первого этапа, который завершился в 60-е годы, структурный функционализм в его парсоновской и мертоновской формах доминировал. Какими бы ни были его идеологические слабости, его антиэмпирическую направленность и наивную веру в социальное равновесие невозможно отрицать. Функционализм был призван осуществить синтез того, что Парсонс называл «непримиримыми школами» социологической мысли. Старые линии конфронтации все более стираются. На первый план опять выходит стремление к синтезу. Именно оно характеризует третий этап послевоенной социологии.

Проведенные с позиций символического интеракционизма исследования поставили под сомнение принципы индивидуалистической контингентности, которые отличали ранний этап интеракционизма — тот самый, когда его возглавлял Г. Блумер. Работы И. Гофмана (1974) и Г. Беккера (1982) могут рассматриваться как заметный отход от прежних традиций. Ш. Страйкер (1980) призвал к воссоединению интеракционизма с общей теорией систем, а Д. Льюис и Р. Смит (1980) доказывали, что Дж. Мид был коллективистом.

Ведущие представители теории обмена, например, Дж. Коулмен (1986) все чаще оспаривают тезис о том, что взаимоотношение «индивид — структура» опирается на причинно-следственную связь реальных явлений, которые можно обнаружить эмпирическим путем. Поскольку между ними существует эмпирическая одновременность, связь микро- и макроуровней следует рассматривать как аналитическую. Она имеет широкий системный контекст и применима при исследовании индивидуальных действий, того, что называется «трансформационными правилами», такими, например, как процедуры голосования.

В этнометодологии можно отметить аналогичные тенденции в исследованиях А. Сикурела, предпринявшего недавно энергичную попытку связать свою теорию с макросоциологическими исследованиями. Недавние исследования Х. Молотча (1987) показали, как дискурсивная практика структурируется организационным контекстом и распределением власти, даже несмотря на сохранение их аналитической автономии.

В рамках общей теории существует мощное движение, направленное на преодоление односторонней критики, которая характерна для предшествующих теоретических исследований. Так ранние исследования Э. Гидденса (1971) были проведены в рамках теории конфликта и неомарксизма. Гидденс попытался связать контингентность (случайность), материалистическую структуру и нормативные принципы. Прежние исследования Р. Коллинза (1975) основывались на аппарате социологии конфликта; в последние годы, напротив, он включил в круг своих интересов микросоциологию с характерным для позднего дюркгеймианства акцентом на изучение ритуалов, а также концепцию многомерности (1988). Ю. Хабермас начинал карьеру со свойственного франкфуртской школе преувеличения роли деструктивных элементов в современной жизни. В последнее время он ушел в сферу нормативных структур и микропроцессов, которые автономны от макроструктуры капиталистического общества.

Мы указывали на преждевременное свертывание теоретических исследований как на характерную черту завершения второго этапа. Односторонние теории, конечно, эффективное политическое средство, но они не годятся на роль «теоретического цемента», связывающего между собой научные дисциплины. Идеологический напор, питавший постпарсоновскую теорию в ее микро- и макроформе и оправдывавший марксистский структурализм, в значительной

степени ослаб. Появилось более реалистическое, если не сказать пессимистическое отношение к возможностям социального обновления, что проявляется в смирении, даже фатализме постмодернистской мысли с ее ностальгическим возвратом к локализму и отказом от возможностей рационализации общественной жизни.

Актуальность теории Парсонса на современном этапе

Удивительно ли, что неофункционализм расцвел в этой меняющейся социальной и научной сфере? Оригинальные исследования Парсонса содержали широкий и весьма противоречивый набор теоретических идей. Однако кажется, его работы содержат и нечто такое, что дает стимулы для третьего этапа. Развивая свое учение в период реакции против ограничений второго этапа, неофункционалисты интерпретировали «естественные интересы» парсоновского учения именно таким образом.

Возможно, неофункционализм более чем какое-либо другое направление проявил себя в качестве синтетической формы теории, основанной на прототипе. В конце концов именно первая и несовершенная попытка теоретической интеграции Парсонса, что считалось слабой стороной его школы, побудила микро- и макротеоретиков разработать односторонние теории, которые в последнее время подвергаются сомнению. Неудивительно, что современные теоретики, вновь и вновь обращаясь к идее синтеза, возвращались к стержневым идеям раннего учения Парсонса. Удивительно, что поздний возврат провозглашен прежде всего теми, кто до этого никогда не отождествлял себя с парсоновским учением. Причина кроется скорее в теоретической логике, нежели в личном желании.

Яркий пример — «Кризис легитимности» Ю. Хабермаса (1975). Отправляясь в путь из надежной гавани критической теории, Хабермас пожелал включить в свою модель экономических противоречий такие факторы, как личностную напряженность, ценностный потенциал, скрытое влияние политических и юридических институтов. Де-факто, если не де-юре, он тем не менее отказывается от использования модели Парсонса. Аналогичные примеры можно найти у В. Шлюхтера. Когда он пытается дать новую трактовку исследования цивилизации М. Вебера, то использует язык эволюционной теории Парсонса. Когда Р. Коллинз в 1988 г. пытался распространить свою теорию социальных ритуалов на реалии демократической политики, ему пришлось использовать многомерную теорию политической поддержки Парсонса.

Новый этап актуализации учения Парсонса проявляется и в возобновлении интереса к созданию теорий культуры и общества. Неслучайно, именно бывшие ученики и сотрудники Парсонса сыграли главную роль в возрождении макрокультурных исследований. К. Гиртц (1973) начал «культурную революцию» своими очерками в 60-х годах, где развиваются мысли об аналитической автономии культурной сферы. Когда С. Эйзенштадт критикует структуралистский подход в исторической и общей социологии за гипертрофирование «онтологических» акцентов в культуре (1986), он использует теорию Парсонса об институционализации ценностей. Метатеория культуры М. Арчер (1988) начинается с парсоновского разграничения культуры, действия и социальной системы. Исследования Р. Робертсона по глобальным проблемам культуры (1987) восходят опять же к концепции Парсонса о ценностной генерализации и социальной общности.

Социальная наука как дискурс и программа исследований

Для правильного понимания проблем, связанных с возникновением и упадком теоретических направлений, необходимо осознать, что социальная наука создается традициями, а традиции — каким бы ни было их стремление к рациональности — основываются харизматическими личностями. При зарождении любой отрасли знаний ее классическими основателями считаются сильные личности — интеллектуалы (Дж. Александер, 1987); впоследствии они получают квазиклассический статус и к ним относятся как к основоположникам мощных научных школ. Кроме того, социальная действительность никогда не противостоит самой себе. Поскольку перцепция опосредуется дискурсивными установками, берущими начало из традиций, научные формулировки социологии располагаются в пределах относительно стандартизированных парадигматических форм. Та конкретная среда, в которой существуют ученые-социологи, не обязательно формируется на базе какой-либо одной традиции или является полностью однородной. Но ученые — независимо от того, осознают они это или нет, — вынуждены существовать именно в ней.

Хотя традиционализм подразумевает привычное поведение, он не обязательно означает статичность или отсутствие изменения. В социальной науке подверженность изменению усиливается универсализмом институционализированных норм, основанных на безличной рациональности. Традиции социальной науки определяются наличием теоретического ядра, которое сопротивляется всяким изменениям. Однако широкие области исследований, окружающие ядро, подвержены постоянному изменению. Модификации в периферийных областях традиций выражены двумя направлениями: «совершенствованием» и «ревизией». Хотя оба считают себя хранителями традиционных установок, между ними существенные различия. Поскольку социологические исследования, направленные на «совершенствование» традиции, исходят из предположения, что первоначальная традиция внутренне едина и теоретически завершена, они нацелены главным образом на прояснение отдельных положений и расширение сферы их приложения. В «ревизионистских» исследованиях, напротив, основное внимание сосредоточивается на уязвимых местах установившейся традиции. Под видом мелких уточнений часто скрываются попытки решить какие-то принципиальные задачи и дать новые формулировки.

«Совершенствование» и «ревизия» — две формы спецификации, периодически возникающие в истории любой традиции не только в период становления, который следует сразу же за появлением харизматического основателя, но и после ее расцвета или серьезных переформулировок, неизбежных, если традиция стремится сохранить целостность. Именно отсюда возникает идеальнотипическая форма теоретического изменения. Поскольку ядро подвергается существенным сдвигам, не прерывая своей связи с основополагающей традицией, начинается теоретическая деятельность, которую мы назовем «реконструкцией». Она отличается от «совершенствования» и «ревизии» тем, что четко признаются расхождения с основателем данной традиции и определенно выражается открытость другим традициям. «Реконструкция» может оживить теоретическую традицию даже в том случае, когда создает предпосылки для зарождения новых. Разумеется, последние могут быть разрушены. Это происходит не потому, что центральные и периферийные положения опровергнуты, но потому что в глазах научного сообщества они утратили свою легитимность. Однако даже в такой ситуации традиции не столько исчезают, сколько становятся латентными; всегда сохраняется возможность, что их востребуют.

Согласно такой модели, социальная наука развивается не только из-за стремления лучше понять эмпирическую реальность, а ее цель не заключа-

ется только в накоплении знаний и увеличении концептуальных возможностей. Основными двигателями социологии являются конфликт и конкуренция традиций. Не существует абсолютного прогресса — ни теоретического, ни эмпирического. Существует скорее относительный прогресс — в сравнении со своими старыми объяснительными схемами или с конкурирующими традициями.

«Совершенствование», «ревизия» и «реконструкция» — это понятия, характеризующие степень соответствия между последующими теоретическими исследованиями и исходной традицией. Они не отражают уровня реального прогресса знания. «Совершенствование», например, может быть слишком грубым или очень тонким средством изменения, если использовать этнографические стандарты Гиртца. Традиции обогащаются в ходе теоретических изменений. Но они также могут обедняться и упрощаться, лишаясь своей утонченности и интеллектуальной поддержки. Если вероятно прогрессивное изменение социальной науки, то точно также может быть и реакционное изменение. Более того, только прогрессивный или только негативный сдвиг — редкое событие.

Переключение научного сообщества с одной теоретической позиции на другую объясняется не концептуальной эффективностью или изысканностью, а эмпирическими возможностями данной позиции. Оно мотивировано значительными сдвигами в том, что может быть названо «научной восприимчивостью» сообщества. Сдвиги в ней поощряют постановку глубоких вопросов и дискурса. Процесс научного обсуждения заканчивается совершенствованием теоретического и эмпирического поля деятельности. В этом смысле правильнее говорить не о «развитии», а о «сдвиге» в социологической науке. Возникновение научной дисциплины не следует понимать как результат теоретических размышлений в узкой эмпирической сфере, скажем, в области отклоняющегося поведения, стратификации или политической социологии. Глубинная структура любой научной дисциплины состоит из системы связей и литературы, которые формируются в результате взаимодействия между собой эмпирических объектов, поддерживаемых традициями и новыми научными движениями.

Но вернемся к теме неофункционализма. На этапе рутинизации, который наступил вслед за появлением основополагающих работ Парсонса, функционализм предстал как последовательная и близящаяся к завершению теория. На повестку дня встали проблемы «совершенствования» и «ревизии». Но на втором этапе развития послевоенной социологии сдвиги в «научной восприимчивости» делегитимировали подобные усилия, а функционализм как живая традиция почти исчез. Начало третьего этапа снова ознаменовалось сдвигом в «научной восприимчивости». В создавшемся тогда теоретическом и историческом климате возникли новые вопросы. Они свидетельствовали о возможности коренного сдвига в науке. Следствием было вступление функционалистской традиции в этап реконструкции. Так функционализм превратился в неофункционализм.

Тщательное осмысление происшедших в функционалистской традиции изменений требует рассмотрения двух аспектов — общего дискурса и исследовательской программы. Под общим дискурсом мы подразумеваем научные дискуссии об исходных предпосылках, онтологии и эпистемологии, идеологическом и метафизическом содержании, социологической аргументации, ее историческом контексте. Однако в рамках исследовательской программы такого рода абстрактные проблемы, даже не возникают. В конкретной деятельности есть иные проблемы, связанные с интерпретацией и объяснением эмпирических явлений и процессов.

Дихотомию «дискурс — исследовательская программа» не следует путать с разграничениями, введенными выше. Она не тождественна дихотомии «ядро — периферия».

Конкретные проблемы, которые ставятся в исследовательской программе в рамках традиции, могут относиться к ее ядру, а общий дискурс нередко

касается вопросов научной периферии. К примеру, в марксизме XX века — в противоположность марксизму XIX века — исходные посылки о материализме и идеализме составляют часть его ядра, а сдвиги в сторону идеализма не считаются угрозой для сущности марксистской теории. Выделенные нами «совершенствование», «ревизия» и «реконструкция» являются сквозными процессами и для исследовательской программы, и для общего дискурса.

Общий дискурс неофункционализма

Он существует как в интерпретационной, так и в экспозиционной формах. Интерпретация для теоретиков — средство пересмотра достижений основателя и ведущих представителей данной традиции, а также оригинальных и производных текстов, созданных в других классических традициях. В экспозиционной форме, напротив, дискурс рассматривается как данность, анализируются главные принципы традиции.

Общий дискурс проводит обсуждения в рамках и по поводу исходных посылок, моделей, методологических установок и взгляда на мир. Хотя можно обсуждать, были ли у Парсонса четкие взгляды по каждому из этих вопросов, мы, как неофункционалисты, знаем, что в любом из таких вопросов точка зрения Парсонса допускала двоякое толкование. По проблеме «действия» ученый твердо стоял на позиции синтеза материалистических и идеалистических посылок. Он уклонялся от того, чтобы открыто заявить о приверженности идеализму. Ставя проблему «порядка», стремился связать индивидуальные действия и социальные структуры, но в силу своей коллективистской позиции никогда не занимался созданием теории случайного действия. Согласно теоретической модели Парсонса, системно-функциональная терминология применима для описания любого общества, состоящего из взаимосвязанных, но относительно независимых частей. Ни одна из них не считается главной, а равновесие трактуется как аналитический ориентир для оценки социальных систем, но не для их эмпирического описания. Когда же Парсонс превратил эту модель в кибернетическую систему, то преувеличил только одну совокупность частей социальной системы — нормативную, возвысив ее над совокупностью материальной. Он часто смешивал концептуальный идеал равновесия с конкретным состоянием эмпирического общества. Немало двусмысленностей и в идеологии Парсонса. В течение научной карьеры в его идеологии (или мировоззрении) наблюдался сдвиг от критического к умеренному либерализму. То, что в 30-х и 40-х годах было смешанным пессимизмом, превратилось в громогласный оптимизм в 50-х и 60-х. Будучи преданным социальной науке, ставящей своей целью конструирование всеобщих законов, Парсонс отрицал связь между фактами и ценностями. Однако вера в американское общество сделала его нечувствительным к негативным сторонам современности.

Отличительной чертой начального этапа «совершенствования» и «ревизии» в социологической традиции является их независимость от дискурсивных форм. Если проанализировать исследования учеников Парсонса за три—четыре десятилетия, то выясняется, что большинство работ, имеющих целью «совершенствование» или «ревизию», осуществлено в рамках исследовательской программы конкретной школы. Ученики вроде бы пытаются всего лишь разобраться в той или иной двусмысленности своего учителя, но делают это в форме скрытой «ревизии» классического наследия, а не в форме общего дискурса.

В начальный период, если и возникает общий дискурс, то он почти целиком позитивен. Его цель состоит в интерпретации неясностей сложных текстов со стороны и специалистов, и дилетантов. Хорошей иллюстрацией случайных пояснений служит раздел Э. Девро (1961) в сборнике, посвященном Парсонсу, а также некоторые параграфы в некогда популярном «Введении в социологию»

Г. Джонсона (1960). Только в самом конце первого периода существования функционализма, когда Парсонс подвергался возрастающей критике, действительно появились примеры общего дискурса. Образец подобного рода — ответы В. Лидза (1970). Они служат блестящим примером «совершенствования» и защиты позиции Парсонса.

Отличие неофункционализма от функционализма состоит в том, что он пытается реконструировать ядро парсоновской традиции. Попытки «совершенствования» и «реvisions» сохраняются, однако только «реконструкция» создала основу для появления неофункционализма на современном этапе. На удивление, значительная часть предшествующей критики в адрес периферийной проблематики была воспринята позитивно, в то время как само ядро переэстраивалось. В этом смысле неофункционализм является «постпарсонством». Его цель состоит в том, чтобы двигаться дальше не только первого, но и второго этапа послевоенной социологии и создать новый синтез на основе использования достижений каждого из них.

Наиболее разработанные исследовательские программы в духе неофункционализма появились в сфере социального изменения, социологии культуры, политической социологии, массовых коммуникаций, феминизма, социологии профессий и экономической социологии. Во многих неофункционалистских исследованиях наблюдается явно ревизионистская направленность. В исследованиях структурной дифференциации, например, подвергается ревизии подход ортодоксального функционализма к проблеме социальных изменений по четырем направлениям: 1) изменения дополняют описания «главного тренда» применительно к специализированным институтам на основе разработки моделей типичных отклонений от главного тренда (Ф. Лехнер, 1989; Э. Тириакаян, 1985; П. Коломи, 1989; К. Хондрих, 1989; Н. Смелзер, 1989; П. Коломи и М. Таусиг, 1988); 2) идут дальше системно-эволюционных объяснений групп конфликта социальных движений и коллективного поведения (С. Эйзенштадт, 1980; П. Коломи, 1989; Л. Мэй, 1989; Дж. Александер, 1980; Н. Смелзер, 1985); 3) признают, что ортодоксальный акцент на адаптивном росте и ценностной генерализации представляет собой лишь одну конфигурацию факторов в гораздо более широкой совокупности последствий социальной дифференциации (Н. Луман, 1982; К. Эдер, 1989; Г. Роудз, 1989; Р. Мюнх, 1988; Д. Сиулли, 1985); 4) заменяют либеральный оптимизм в отношении последствий социальной дифференциации критическим модернизмом (Р. Мюнх, 1987; П. Коломи, 1989).

В целом тенденция развития социологической мысли такова: в то время как центральное ядро неофункционализма поднялось до уровня общей теории, параллельно быстро развивается область эмпирически ориентированных исследований. Они дополняют реконструкционистские тенденции неофункционалистской метатеории рядом весьма важных попыток ревизовать ортодоксальный функционализм, впоследствии захвативших и сферу общей теории неофункционализма.

Сегодня неофункционализм — нечто гораздо большее, чем просто обещание. Он стал сферой интенсивного теоретического дискурса и растущих эмпирических исследований. Поскольку социологическое значение создается традициями, то самым достоверным критерием оценки научного прогресса является сравнительный критерий в терминах различения этапов развития одной традиции и в терминах отношений между конкурирующими традициями. Проводя подобные сравнения, мы можем оценить прогресс социальных наук. Хотя, конечно, это прогресс в терминах постпозитивизма.

В статье мы рассмотрели достижения неофункционализма в их сравнении с исходной ортодоксией. Для чего был использован ряд понятий: «реконструкция», «экспроприация», «ревизия» и «совершенствование». Наша гипотеза состояла в том, что и на дискурсивном, и на эмпирическом уровнях неофункционализм добился значительных успехов в сравнении с предшествующими вариан-

тами данной традиции. Мы пытались показать, что «реконструкция», «ревизия» и «совершенствование», составляющие неофункционализм, были непосредственно устремлены на те сферы ортодоксальной традиции, которые критики (внутренние и внешние) некогда определяли как теоретически, так и эмпирически сомнительными. Если неофункционализм, способен к теоретическому прогрессу, а мы считаем, что так оно и есть, то подобный прогресс должен выразиться в удачной «реконструкции» и «ревизии», той самой критике, которая одно время угрожала в корне уничтожить функционалистскую традицию.

Несмотря на свойство функционализма творчески эволюционировать, его жизнеспособность, в будущем еще неоднократно заявят о себе те, кто решатся критиковать или переделать классическую традицию. Сегодня мы стоим посередине огромного и волнующегося моря, каковым является социологическая теория. Исчезают старые школы, стираются прежние конфигурации, но постоянно возникают новые и новые претенденты. Совершенно очевидно, что неофункционализм уже невозможно запихнуть обратно в пропахший нафталином сундук истории.

*Перевод с английского
В.Е. МАЛЫГИНА*

© 1992 г.

С.М. НИКИТИН, К.А. ФЕОФАНОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РИСКА В ПОИСКАХ ПРЕДМЕТА

НИКИТИН Сергей Михайлович — кандидат философских наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В нашем журнале публикуется впервые. ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич — выпускник социологического факультета МГУ. В нашем журнале опубликовал статью (1992, N 5).

Еще в античности люди анализировали «природу» реальной и надуманной опасности, явления страха, беспокойства, вероятности тех или иных катаклизмов или последствий человеческой деятельности. Греческая традиция о «риске» говорит как о явлении, сопутствующем всякой неопределенности при принятии решений. «Точка неопределенности» называлась «кризисом», а поворот к худшему — «катастрофой». В христианской традиции также нет четко определенного понятия «риск», что связано с представлением о Всевышнем, как о вершителе судеб.

Переворот, произошедший в XVI—XVII веках, связан с утверждением представления о человеке, как о субъекте действия и выработки решений. Тогда, предположительно в контексте мореплавания и торговли — очень прибыльного, но опасного дела — сформировались представления о риске, как о состоянии нахождения в определенное время в определенном месте, которые известны и позволяют заранее, перед тем как предпринять тот или иной шаг, подсчитать возможные выгоды и потери, обосновывая в зависимости от их соотношения «оправданность»—«неоправданность» риска¹. Дихотомия «оправданности»—«неоправданности» находит отражение в категориях «ответственного» и «безответственного» действия, а формирование гражданского общества наполняет их все более социальным, в противоположность экономическому и индивидуалистическому, содержанием.